

С.В. КОЗАНОГИН

(г. Михайловка Волгоградской обл.)

**ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА
САМСОНА ИЗ «КНИГИ СУДЕЙ
ИЗРАИЛЕВЫХ» В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XIX – начала XX вв.**

Предложен анализ интерпретаций образа Самсона в стихотворениях Языкова, Мея и пьесе Андреева. Выделено несколько типов включения библейского текста в текст авторский: воссоздание текста, его переосмысление и неомифологизация.

Ключевые слова: неомифологизация, переосмысление, воссоздание текста.

В современном литературоведении достаточно хорошо изучены способы включения «чужого» текста в канву художественных произведений. Особое внимание исследователей всегда привлекал библейский материал: изучались способы введения цитат, аллюзий и реминисценций из книг Священного Писания. При этом до сих пор не было представлено типологии способов обращения с библейским материалом. Нам представляется возможным говорить о трех типах включения библейского текста в художественные произведения: воссоздание текста, его переосмысление и неомифологизация. Попытаемся доказать свою точку зрения. Для этого рассмотрим интерпретации ветхозаветной «Книги Судей Израилевых» на примере произведений Н.М. Языкова, Л.А. Мея и Л.Н. Андреева.

Стихотворение Н.М. Языкова «Сампсон» мы отнесем к типу воссоздания библейского текста. Сразу же отметим, что Языков, как и другие писатели, оставил сюжет «Книги судей...» без изменений. При этом его произведение оригинально в раскрытии характера героя, выяснении мотивов его нахождения в плену у филистимлян и т.д.

С первой строфы стихотворения поэт отмечает тяжелое положение героя: *Себе на потеху они – и Самсона В окопах туда привели.* Во второй – седьмой строфах автор ретроспективно показывает причины рабского положения Самсона. Для этого Языков обращается к форме повествования в 3-м лице в аспекте героя:

*И шумно ликуют. Душа в нем уныла,
Он думает думу: давно ли жила,
Кипела в нем дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!
Давно ли, дрожа и бледнея, толпами
Враги перед ним повергались во прах
И львиную пасть раздирал он руками,
Ворота носил на плечах!
Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварные ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звук любово-
страстный Пленительных женских речей;
В объятиях неги его усыпила
Далида и кудри остригла ему, –
Зане в них была его дивная сила,
Какой не дано никому!
И бога забыл он, и падишего взяли
Сампсона враги, и лишился очей,
И грозные руки ему заковали
В медяную тяжесть цепей.
Жестоко поруган и презрен, томился
В темнице и мельницу двигал Сампсон;
Но выросли кудри его, но смирился,
И богу покаялся он [6, с. 367–368].*

Как видно, автор нарочито подчеркивает физическую мощь героя, нагнетая эпитеты *дивная, страшная*, градуируя их по степени усиления экспрессии.

Примечательно, что исповедь героя строится на аллюзиях к Ветхому Завету. Так, начало третьей строфы стихотворения отсылает читателей к библейскому рассказу о битве Самсона с войском филистимлян, закончившейся сокрушительным поражением последних: *Нашел он свежую ослиную челюсть и, протянув руку свою, взял ее, и убил ею тысячу человек* (Суд. 15:15).

Четвертая строфа стихотворения посвящена описанию красавицы Далиды. Известно, что в библейской книге даются только сведения о происхождении филистимлянки. Языков домысливает образ героини. Для обрисовки роковой красавицы поэт прибегает к помощи эпитетов *коварные ласки, звук любово-страстный речей*. Интерес поэта к этому образу можно объяснить задачей подвести читателя к рассказу о пленении Сампсона: *В объятиях неги его усыпила Далида и кудри остригла ему.*

Принципиальным моментом в восприятии сюжета библейского предания становится вычленение причин нахождения пророка в плену у филистимлян. Поэт ясно указывает на богоотступничество Самсона: *и бога забыл он.* В «Книге Судей Израилевых» мотивом паде-

ния героя является любовь к женщине враждебного племени. По-видимому, Языков в данном случае опирается на традиции русской культуры, которая связывает истоки рабского положения героя с его греховностью.

Восьмая строфа стихотворения возвращает нас к содержанию первой. *Народ и князя Филистимской земли* из первой строфы обобщаются в собирательный образ «врагов», которые, *ликуя, смеются* над героем. Заслуга поэта состоит в том, что он тонко продумал психологическое состояние Самсона: его душа кипит от обид, его переполняет гнев:

*Незрячие очи он к небу возводит,
И зыблется грудь его, гневом полна* [6, с. 368].

Особого внимания заслуживают финальные строфы произведения:

*«О, дай мне погибнуть с моими врагами!
Внемли, о мой боже, последней мольбе
Самсона!» – И крепко схватил он руками
Столбы и позвал их к себе* (Там же).

Как видно, Языков подчеркивает принадлежность героя к другой вере и преданность Иегове, вкладывая в уста пророка притяжательное местоимение (*мой боже*), а эмоциональный накал достигает предела повторами междометий и заключающим все обращение восклицанием. Интересно, что автор не употребляет в речи пророка ожидаемого в концовке местоимения, напротив, герой говорит о себе в третьем лице (называет себя по имени). Таким образом, мольба Самсона выходит за рамки субъективного переживания.

Стихотворение Л.А. Мея «Сампсон» позволяет проиллюстрировать другой подход к интерпретации ветхозаветного образа – его переосмысление. В отличие от Языкова Мея довольно скупо изображает Самсона. Однако, обратившись к мотиву искушения, он глубже дает образ Далилы. Поэт делает акцент на сцену обольщения героя, в которой замечательно обыгрывает интонации девушки:

*«Не любишь ты меня! – Сампсону говорила,
Змеей вокруг него обвившись, Далила.—
Не любишь ты меня, обманщик, мой еврей:
Таишься от меня – в чем мощь твоя и сила?»
И филистимлянке признался назорей:
«Силен обетом я: не стричь моих кудрей»* [4, с. 261].

Героиня начинает свою речь с гневного восклицания, а затем меняет тон, что подчеркивается полным повтором реплики, но уже без прежней экспрессии, а также употреблением обращения *мой еврей*. В свою очередь тав-

тологическое сочетание *мощь... и сила* в вопросе указывает на настойчивость обольстительницы, для которой этот вопрос становится *idée fixe*. Сравним с Библией: *И как она словами своими тяготила его всякий день и мучила его, то душе его тяжело стало до смерти* (Суд. 16:16).

Мотив обольщения судьи раскрывается Меем посредством ярких образов-символов животных. Так, сравнение Далилы со змеей недвусмысленно указывает на сходство основных черт ее характера с традиционной символикой пресмыкающегося. Змея – «воплощение *опасности и угрозы*, олицетворение *тьмы, хаоса и смерти*», а также «символ *зла, греха, искушения и дьявольского коварства*» [2, с. 186, 188].

Остановимся на том, как Мея изображает Самсона. На протяжении великана-силача: так, он дважды называет Самсона *атлетом*, подчеркивает физическую мощь героя, отмечая его *плеча широкие* и как *мышцы у него тревожно напряглись*. Обратим внимание на то, что атлет – это «здоровяк, силач, богатырь, могут; боец, борец, единоборец» [3, с. 46]. На наш взгляд, делая акцент на исконных физических данных героя, автор тем самым отходит от мотива божественной сущности его силы, представленного в самой Библии.

При этом стихотворение Мея насыщено эмоциями. Создавая драматическую ситуацию захвата Самсона врагами, поэт придает всему повествованию динамизм, часто использует прием контраста. Так, при приближении врагов ничего не знавший о предательстве назорей *воспрянул от ложа страстного*, но тут же *поникнул... под тяжестью цепей*, причем между этими событиями интервал в одну стихотворную строку. Автор опускает картины сражения Самсона с филистимлянами: итог битвы известен.

Финал стихотворения Мея соответствует библейскому преданию:

*И ото всей души провозгласил слепец:
«Днесь сыну твоему поможешь ты, отец!»
И обнятой гранит прижал к себе до лона,
И капище потряс с конца он и в конце,
И разлетелся гранитная колонна,
И кровля вслед за ней... И рухнул храм Дагона,
Собою задавив всех бывших – и Самсона...* [4, с. 263].

Поэт сохраняет экспрессию первоисточника. Между тем само воззвание лишено про-

сительной интонации, что является результатом поставленного автором акцента на физическую мощь героя. В отличие от Языкова Мей практически не исследует психологические состояния пророка – Самсон приходит в храм Дагона уже с принятым решением его разрушить.

Пьеса Л.Н. Андреева «Самсон в окопах» представляет собой тип неомифологизации библейского текста. Автор, во-первых, дописывает события пребывания Самсона в плену у филистимлян; во-вторых, ярко представляет свое понимание библейских образов. Талант драматурга проявился прежде всего в создании колоритных образов главных героев. Примечательно, что важное место в системе персонажей трагедии отводится Далиле. На наш взгляд, образ филистимлянской девушки ярче всего показывает новаторство Андреева. Из библейского повествования она предстает алчной и коварной обольстительницей, сумевшей обмануть Самсона ради наживы. Однако на протяжении всей пьесы Андреев показывает ее искренне любящей девушкой, ставшей жертвой обмана: *Он обманул меня, проклятый! Что я понимала? – а он клялся, что ты волхв и что тебя надо убить. Он злой и криводушный, он и теперь таит в сердце обман и ложь, но я узнала его* [1, с. 269]. В финале трагедии она прямо говорит, что готова разделить судьбу героя, его веру: *Твой бог и мой бог, твой народ – мой народ, Самсон* (Там же, с. 339).

Андреев предлагает свой яркий образ Самсона. Герой проходит сложную эволюцию от сломленного судьбой человека до пророка, осознавшего себя судьей иудейским и исполняющего промысел божий. В связи с этим принципиальным является выяснение причин падения Самсона. По-видимому, Андреев в самых общих чертах солидарен с концепцией богоотступничества, представленной в стихотворении Языкова (*И бога забыл он...*), а также, отчасти, с мотивами пьянства и греховности самого героя, вскрытыми в Палее. Однако языковская трактовка с ее требованием покаяния претерпевает значительные изменения: отношения пророка с Богом освещаются Андреевым сквозь призму философской проблемы свободы воли.

Как верно заметила Р.С. Спивак, в 1910-е гг. в литературе «актуализируется пред-

ставление об активных созидательных возможностях человека в сфере духовной и социальной деятельности» [5, с. 13]. Новаторство драматурга проявилось в том, что он создает образ героя, бунтующего не столько против самого Бога, сколько против предопределенности своей судьбы, признавая себя орудием в чьих бы то ни было руках.

Андреев показывает отношения пророка с Богом неоднозначными, часто противоречивыми. Так, в начале первого действия Самсон говорит о своей жизни до плена: *Меня все боялись и почитали. <...> Я мог говорить с богом* [1, с. 265]. Таким образом, писатель акцентирует внимание на том, что общение с Богом делает личность Самсона исключительной. Однако, желая оградить себя от насмешек тюремщиков, заключенный утверждает: *Я могу когда угодно говорить с богом. Когда хочу, тогда и говорю* (Там же). Тем самым писатель уже здесь вводит мотивы личного желания героя, подчеркивает его самость. В конце действия Самсон заявляет, что его слова достаточно для получения требуемой реакции от Иеговы: *Я могу сделать все, что хочу. Что ваши боги? Я скажу только слово, и Единый разметит их капища...* (Там же, с. 273).

Процесс морального возрождения героя, его возвращения к Богу отцов оказывается мучительным. Кульминационным моментом на пути героя к Богу можно считать сцену охоты на льва в пустыне. В Библии описывается только один эпизод со львом, призванный отразить снисхождение на Самсона Духа Господнего: разрывание вышедшего навстречу пророку льва. Однако в трагедии Андреева Самсон на охоте не совершает ничего героического, напротив, драматург показывает бессильную злобу пророка, который не может, как раньше, сразиться с хищником и спорит за труп не им поверженного льва. Именно здесь, у трупа животного, оставленный наедине с собственными мыслями, Самсон постепенно приходит к осознанию своей высокой миссии. Андреев замечательно использует прием потока сознания: *Поразит меня стрела, и уйду я в страну тьмы и сени смертной, в страну мрака... Что ты разрушишь, то не построится; кого заключишь, тот не высвободится! И это Твоя воля?* (Там же, с. 322). Замечательно, что реплика пророка строится на основе слов Иова, который также бунтовал против Иеговы.

Таким образом, к финалу произведения, пройдя сложный путь богоборчества, Самсон возвращается к осознанию себя пророком Иеговы. Андреев свидетельствует об этом в картинах глумления филистимлян. Покорность Самсона пропадает, как только от него начинают требовать славословий языческим богам. Герой учиняет бунт и начинает крушить все вокруг, при этом, неспособный противостоять врагам, он вызывает за помощью к Богу: *У меня нет очей, чтобы приказывать и повелевать, но взгляни на них Ты, боже Израиля, и одень их в неподвижность камня!* [1, с. 343].

Итак, анализ показал, что обращение к образу Самсона на протяжении XIX – начала XX в. испытало ряд серьезных изменений – от воссоздания ветхозаветного образа до его полного переосмысления и неомифологизации, не преходящей осталась только ценность текста Священного Писания, к которому обращались писатели при работе над своими произведениями.

Литература

1. Андреев Л.Н. Драматические произведения : в 2 т. Л. : Искусство, 1989. Т. 2.
2. Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М., 2006.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2002.
4. Мей Л.А. Избранные произведения. Л., 1972.
5. Спивак Р.С. Феномен творчества в осмыслении русской литературы начала XX века // Филол. науки. 2001. №6. С. 13–20.
6. Языков Н.М. Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1972. С. 367–368.

Interpretation of Samson's image in "Book of Israeli Judges" in the Russian literature of the XIX – beginning of the XX century

There are analyzed the interpretations of Samson's image in the poems by Yazykov, Mei and the play by Andreev. There are sorted out several types of including Bible text in the author's text: recreation of the text, its reconsideration and neomythologizing.

Key words: *neomythologizing, reconsideration, recreation of the text.*

С.О. ТЕРЕЩЕНКО
(Волгоград)

ЖИТИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ»: ДИАЛОГ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Сопоставляются различные современные научные подходы к интерпретации роли житийных традиций в повести Н.В. Гоголя «Шинель».

Ключевые слова: *житие, традиция, аскетические подвиги, юродивые, блаженные.*

Религиозные мотивы в повести «Шинель» не раз привлекали внимание исследователей творчества Н.В. Гоголя. В последние два десятилетия эта тема стала предметом острых дискуссий, в которых отразились разные подходы к проблеме религиозного дискурса в поэтике писателя. Мы попытаемся выявить и систематизировать наиболее характерные для современной научной литературы интерпретации места и роли одной из жанровых традиций христианской литературы в «Шинели», чтобы получить ответ на вопрос, в какой мере она способствует прояснению духовного смысла гоголевской повести.

Широкое распространение в работах о Гоголе получила трактовка образа главного героя повести Акакия Акакиевича Башмачкина сквозь призму традиций житийной литературы. Сторонники этой концепции в качестве исходных аргументов выдвигают на первый план аскетические «подвиги» Башмачкина, совершаемые ради обретения новой шинели, и житийную символику имени персонажа. Мать героя «Шинели» следует традиции называть ребенка по святцам, трижды предлагающим назвать младенца невероятно редкими и неблагозвучными именами. Увидев в этом знак («видно, его такая судьба»), она нарекает младенца именем отца (в святцах имя Акакий толкуется «невинный», «незловивый», лишенный «заслуживающей наказания вины»). Автор повторяет, что «это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно» [1, с. 110], подчеркивая неизбежность дальнейшей судьбы героя.

Повеествование о жизни героя до определенного момента во многом соответствует моделям житийного жанра: происхождение от благочестивых родителей (об отце мы ничего